

УДК 572.0/582/599:001.4

К ЮБИЛЕЮ ПОЛИТИПИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОДНОГО ЛИННЕЕВСКОГО ВИДА

А.В. Свиридов¹

В связи с юбилеем основных биосоциологических трудов Э. Кречмера и У.-Г. Шелдона (2016 и 2017 гг.) рассматриваются две широкие парадигмы (политипическая и монотипическая), обозначающие две альтернативные линии в мировоззрении относительно биологического вида, их влияние на социологические воззрения применительно к виду *Homo sapiens*, а также следствия их влияния для биолога-систематика.

Ключевые слова: политипический вид, монотипический вид, исследования Кречмера и Шелдона и их предыстория, внутривидовая структура, подвид.

На современной волне интереса к историческим аспектам зоологии возникает большое внимание к юбилеям ключевых научных событий. Это представляется естественным, хотя главное, конечно, в развитии тем, а не в случайном совпадении чисел. Представители каждой науки имеют не только право, но и определенный личный долг в формировании ее историографии. Кто же, как не они, в состоянии исследовать соответствующие вопросы во избежание в дальнейшем вольных или невольных извращений фактов, чего стало немало в публикациях по историографии каждой отрасли науки.

В нашей статье мы обращаем внимание на два совпавших юбилея знаменательных событий в истории биологии, связанных с разработкой важного для биолога понятия политипической концепции биологического вида. Для автора, как и для практически всех таксономистов, эта концепция имеет особое значение еще и в связи с проблемой «вид – подвид и их реальность», к которой они часто обращаются. В качестве заманчивого примера мы рассматриваем по понятным причинам небезынтересный зоологический вид *Homo sapiens*, введенный в науку отцом биологической систематики Карлом Линнеем. В 2016 г. исполняется 95 лет с выхода книги германского медицинского психолога и морфолога Эрнста Кречмера² – «Строение тела и характер: исследования проблемы конституции

и учения о темпераментах» (Kretschmer, 1921 – цит. по: Кречмер, 1995). В 2017 г. исполнится 75 лет с выхода книги одного из крупнейших американских философов, морфологов, психологов и медика Уильяма Г. Шелдона³ – «Варианты темперамента: психология конституциональных различий» (Sheldon, 1942 – цит. по: Sheldon, 1945).

Значение этих работ для зоолога выходит за рамки чисто антропологических, что мы и постараемся показать в статье. Политипическая концепция вида в настоящее время доминирует в биологической систематике. Достаточно сослаться на двух авторитетных ученых – ботаника (Завадский, 1968) и зоолога (Майр, 1968). Принимая широкое понимание политипизма не только как географического (подвид, географическая раса), но и как расового вообще, мы рассмотрим взаимоотношение этих модальностей внутривидовой признаковой структуры. В первую очередь, обратим внимание на очевидный факт, что виды, для которых характерен не политипизм, а монотипизм, несомненно существуют. Именно такую внутривидовую структуру мы должны себе представить для видов, которые, имея такую «моноструктуру», находились на грани исчезновения и полностью вымерли. Популярными примерами хорошо известны – дронг, бескрылая гагарка и т.д. В аналогичном положении находятся вновь образовавшиеся виды, недавно отделившиеся

¹ Свиридов Андрей Валентинович – ст. науч. сотр. Научно-исследовательского зоологического музея МГУ, канд. биол. наук (sviridov@zmmu.msu.ru).

² Ernst Kretschmer, Тюбингенский университет (8.10.1888, Вюстенрот, Вюртемберг – 9.02.1964, Тюбинген).

³ William Herbert Sheldon, Гарвардский университет (19.11.1898, Род-Айленд – 17.09.1977, Кембридж). Отметим, что Шелдон был еще и исследователем-нумизматом; стоит упомянуть также, что его крестным отцом был философ, основатель прагматизма Уильям Джемс (1842–1910), разделявший идеи свободной творческой личности и многоформенности действительности (плюрализм).

от анцестора. Можно представить себе, что эта часть популяции анцестрального вида находилась в географической изоляции, приобрела в этих условиях некие новые, распространившиеся в популяции признаки, одновременно не допускающие плодовитое скрещивание изолированной популяции с популяциями анцестора. Конечно, это можно достоверно утверждать лишь после превышения критического уровня контакта, когда репродуктивная изоляция доказана. Если же этот уровень не превзойден, нельзя признать обоснованным выбор для употребления применительно к популяции понятия «отдельный вид» или «подвид». Решение было бы чисто спекулятивным.

Очень полезно, когда при обсуждении видового политипизма обращают внимание (что мы находим у Завадского (1968: Глава 8: Структура вида)) на существование как симпатрических, так и аллопатрических внутривидовых групп. В современных номенклатурных кодексах (в частности, в зоологии) особое таксономическое значение придается аллопатрическим географическим группам (подвидам), им предоставлен статус таксона, в то время как остальные элементы политипической структуры вида противопоставляются им как инфрасубспецифические, не имеющие, согласно принятым процедурам, таксономического статуса. Если вернуться к виду *Homo sapiens*, мы обнаружим исторически аналогичные подвидам других зоологических видов, общеизвестные антропологам расы. В то же время численные соотношения носителей разных групп крови имеют иную, совершенно некоррелирующую с расовой, картину географического распространения. Да и в условиях подвижности населения странно было бы думать о какой-либо стабильной географической приуроченности рас. Для нас вовсе не удивительно, что гастарбайтеры (представители разных рас), проживающие в северных столицах, сохраняют свои специфические расовые признаки, а представители метрополий, жившие долго в колониях, будь эти колонии далеко или близко от метрополий, не приобрели специфических признаков (ни желтого, ни черного цвета кожи).

Можно встретить разное отношение к негеографическому, генетически определенному политипизму, которому, по сути, посвящены два юбилейных исследования. Однако эти труды постоянно вызывают живой интерес, многократно переиздаются, переводятся и обсуждаются (Райгоудский, 2002; Роббер, Тильман, 1988).

Весьма положительно отношение к ним знаменитого классика генетики человека В.П. Эфроимсона (1995). Вот как он оценивает эти труды и

эту тенденцию в науке: «Как связаны между собой строение тела и характер, об этом, пусть не совсем точно, но достаточно рассказал Э. Кречмер [дана ссылка на издание 1953 г. – А. С.], ярко показав, как одно с другим связано, и что в общем люди это понимают, ощущают. А совсем недавно измерениями 46 тыс. человек Шелдон в общем подтвердил интуитивные догадки своего предшественника».

Как известно, Шелдон выделяет три группы основных темпераментов и три группы соответствующих им соматотипов (коэффициент корреляции между первыми и вторыми в его исследованиях порядка 0,80). Это три коррелятивно связанные группы: 1) висцеротония–эндоморфия, 2) соматотония–мезоморфия и 3) церебротония–экторморфия. У Кречмера они вполне ассоциируются с пикниками (1), атлетиками (2) и астениками (3). Однако надо заметить, что Кречмер делал акцент скорее на типы, отклоняющиеся от «гармоничной» нормы, а Шелдон изучал большую «нормальную» популяцию, в которой, как оказалось, политипизм также доминировал. Обратим внимание и на совпадение в цифрах: три, три и еще раз три. Впоследствии неопиты предложили много своих таких типологий, порой с большим числом выделенных групп. Это обычное явление, когда четкие представления размываются нечеткими с иным числом выделов. Примеров много: это, в частности, и необоснованное «дробительство» таксона в систематике или, скажем, излишнее выделение большего числа периодов четвертичных оледенений в палеогеографии. Порой очень хочется построить новую (свою) парадигму, но картина усложняется, а парадигма не получается вообще. В ряде случаев повторение расчетов коэффициентов корреляции на других наборах испытуемых и другими исследователями, пользовавшимися методиками Шелдона, давало иные результаты. Однако противники Шелдона обычно стыдливо умалчивают о том, что это были положительные корреляции. Заметим, что авторы весьма полезной книги, в которой разбираются статистические методы (Глас, Стенли, 1976), писали по поводу сильных и слабых корреляционных связей, что они «не решаются применить описательные прилагательные к значениям r , такие, например, как «высокие» для $r = 0,80$ или «низкие» для $r = 0,20$ ». «Зачем, – учат они, – использовать неясные и двусмысленные описательные прилагательные для величины r , когда так просто сообщить ее значение?» Множество морфологических корреляций для *Homo sapiens* приводит Карл Пирсон (1899:

с. 469–470), один из главных разработчиков теории корреляции, не останавливаясь на качественных оценках силы рассчитанных коэффициентов. В книге «Биология человека» (Харрисон и др., 1968), написанной известными антропологами, медиками, физиологами, признано, что получение несколько более тесных морфопсихологических корреляций у Шелдона, чем у некоторых его критиков, было связано не столько с противоречиями в данных, сколько с недоверчивостью оппонентов. Странное впечатление производит и критика, основывающаяся на том, что генетические механизмы морфопсихологических корреляций пока не выяснены. Познание биологических объектов на одном уровне не означает, что они сразу должны быть познаны на всех уровнях. Принято, что научная критика подразумевает оценку достигнутого, а не того, что и как может быть достигнуто в будущем. Это принципиальный момент в отношении правомерности или неправомерности критики. Вполне вероятно, что даже при объединении данных Шелдона и результатов других исследователей подтвердились бы его основные выводы. Шелдон основывал их на больших выборках и придавал значение тому, как выделять круг изучаемых объектов. Убедительность выводам Шелдона придает и то, что они в целом практически совпадают с представлениями Кречмера, хотя Шелдон изучал «нормальные» популяции, а Кречмер – преимущественно случаи отклонения от нее. Надо заметить, что другие модели (довольно многочисленные ныне) политипической структуры популяций *Homo sapiens*, связанные с морфо-психологическими корреляциями, вряд ли могли бы быть сопоставлены с моделью Шелдона по масштабности статистической обработки данных.

Предположение о такой популяционной структурированности популяции *Homo sapiens* неизбежно приводит к целому ряду радикальных выводов в отношении социальных, селекционных (включая евгенические), педагогических и медицинских доктрин, а также основ менеджмента. При этом предпочтительными оказываются не те доктрины, которые подразумевают относительную «одинаковость» и равенство направления устремлений, а те, которые, напротив, отражают взаимную групповую дополнительность и расширение толерантности в обществе. Система Кречмера–Шелдона сближает нас с представлениями более взвешенного и продвинутого дарвинизма, который подразумевал арогенезы и идиогенезы. В систему этого более современного (разработанного А.Н. Северцовым) дарвинизма

вписываются тенденции параллельного заполнения различных ниш, а не только пресловутой «bella omnium contra omnis», которая бы доминировала как исключительная тенденция при относительно малых дифференциях – конкуренция в рамках некоего слабо дифференцированного типа. Различную степень тяготения к политипизму и монотипизму можно обнаружить и у таких касавшихся проблемы ученых, как Ф. Гальтон (1996) и Ц. Ломброзо (1892). Это находит выражение в ассоциировании продвинутого типа с одной нормой или в некотором представлении о полинормативности.

Интересно, что рассматриваемая проблематика (политипизм вида *Homo sapiens*: соматотипы и личностные особенности) исторически имела «биологизаторский» вектор. Видимо, идеи различий в темпераменте с античных времен ассоциируются в первую очередь с представлениями «отца медицины» Гиппократом и принимались именно медиками Средневековья. Идеи дифференцированного воспитания и образования характерны для гуманистической педагогики, надолго оказавшей большое влияние на понимание проблематики вплоть до времен позитивной постановки проблемы во времена Кречмера и Шелдона. Наиболее яркий представитель этой тенденции – знаменитый швейцарский педагог Песталоцци, оказавший влияние и на некоторых детей из России, учившихся у него в пансионе, например на декабриста Кривцова и его брата – будущего патрона русских художников в Риме (известно, что качества, заложенные воспитанием Песталоцци, помогли декабристу преодолеть невзгоды сибирской каторги). Песталоцци считается в некотором смысле последователем воспитательной доктрины Ж.-Ж. Руссо. От него к Песталоцци шла именно линия развития гуманистической педагогики. Педагогику Песталоцци называют педоцентрической (Рыбин, 2006). Она и действительно концентрировалась на особенностях воспитуемого, а не на абстрактных универсальных подходах к личности. Для Руссо (1969) были характерны демократические ценности воспитания и акцент на свободное развитие природных задатков. Правда, Руссо решительно дистанцировался от литературы, искусства и наук, находившихся на службе феодального роскошества (в будущем это нашло отклик у Л.Н. Толстого). У Песталоцци эта тенденция носит более умеренный характер. Он считал, что необходимо вместе воспитывать детей из разных социальных групп (тогда сословий) и семей. Это должно было повышать их взаимопонимание, «цементировать»

социальные отношения. Однако при этом он сознавал необходимость развития в первую очередь индивидуальных задатков воспитуемых, разнообразных с их вероятной будущей деятельностью («Лебединая песня» (1826 г.) – цит. по: Песталотци, 1981). Вероятно, что на Песталотци не мог не оказать влияния великий Иммануил Кант, неоднократно обращавшийся к этой проблеме. Философ считал, что человек должен развивать свои способности, а именно: 1) духовные силы, применение которых возможно только посредством разума; 2) душевные силы, находящиеся в распоряжении рассудка и практических намерений; 3) силы телесные («постоянное преднамеренное оживление в человеке животного», гимнастика в собственном смысле). И вот особенно важный для нас вывод, сделанный Кантом в его «Метафизике нравов в двух частях» (1797): «Которое из этих физических совершенств считать предпочтительным и в какой пропорции друг с другом делать их своей целью есть долг человека перед самим собой, – все это предоставляется и его разумному суждению относительно его склонности к тому или иному образу жизни, и оценке требуемых для этого сил, дабы выбирать из указанных совершенств (например, будет ли это ремесло, торговое дело или наука)» (Кант, 1965).

Что же касается рассуждений Канта о темпераментах, он выступает в роли провидца будущих научных достижений Кречмера и Шелдона в этой области. Например, им сделан важнейший «намек» на морфопсихологическую корреляцию: «С физиологической точки зрения, когда речь идет о темпераменте, имеют в виду физическую конституцию (слабое или сильное телосложение) и комплекцию (жидкое, с помощью жизненной силы закономерно подвижное в теле, к чему относят также тепло или холод при обработке этих соков [Кант полагал гуморальные основы подчеркнутой им связи – А. С.]). Но с точки зрения психологической, т.е. как темперамент души (способности чувства и желания), эти выражения, касающиеся свойств крови [а как еще тогда можно было назвать биохимию вплоть до различий в ДНК? – А. С.], определены только по аналогии игры чувств и желания с телесными движущими причинами (из которых кровь самая главная). Тогда оказывается, что темпераменты, которые мы приписываем только душе, все же могут скрыто иметь в качестве содействующей причины и телесное в человеке» [«Антропология с прагматической точки зрения» (1798) – цит. по: Кант, 1966, с. 534–535]. В другом месте Кант го-

ворит о глупце, который упрекает хилого человека в телесном недостатке, часто подчеркивающим духовное превосходство [там же, с. 548]

Идея об особой роли какого-либо сословия вряд ли кем-нибудь проводилась, это скорее более позднее изобретение (которому особенно привержены неопиты), иногда связанное с постоянной фиксацией на желании не ударить лицом в грязь. Каждое сословие достаточно разнообразно по своему происхождению и генетически неоднородно. Думать, что представители какого-либо сословия (вне зависимости от принадлежности к тем или иным его фракциям) все родня – грубая ошибка. Причисление к сословию – это нечто иное, например наградное, связанное с теми или иными юридическими нормативами профессиональной деятельности или цензовыми достижениями.

Завершая статью, сформулируем основные тезисы двух антагонистических парадигм, связанных рядом логических и экспериментальных оснований, в два хорошо выделяющихся альтернативных концептуальных комплекса. Пока мы даем лишь их предварительный абрис, но отметим, что в перспективе за ними огромное исследовательское поле как для изучения *Homo sapiens*, так и для таксономической биологии.

Политипическая парадигма

1. Популяции *Homo sapiens* имеют по меньшей мере одну негеографическую политипическую структурированность – распадаются на морфопсихологические комплексы, связанные коррелятивно. Они более или менее соответствуют типам, выделенным исследованиями Кречмера и Шелдона. Такую структурированность предвидел еще в конце XVIII в. Иммануил Кант. При наличии наследственного негеографического политипизма большую роль в поддержании (или разрушении) соответствующей структурированности может играть внутригрупповое (или внегрупповое) скрещивание, половой отбор. Предпочтительность или непредпочтительность тех или иных стереотипов может проявляться в зависимости от тех или иных событий раннего детства, а сама реакция – определяться как характером ситуации, так и врожденными задатками, а не только тяготением к представителям своей группы.

2. Названная структурированность за счет ограниченности межгрупповой конкуренции должна несколько снижать напряженность в социуме и способствовать его большему благополу-

чию в целом. По сути, это реализация подлинной социальности.

3. При всем желании реализовать те или иные евгенические программы наличие структурированности (негеографического политипизма) популяции *Homo sapiens* означает, что такие программы неприемлемы для практической реализации. Признаки, которые представляются полезными для одного структурного типа, для другого, скорее всего, оказались бы вредными. К тому же хорошо известно, что реализация столь радикальных программ на практике может идти совсем не по запланированному руслу и вести к непредсказуемым результатам. На основании изложенных соображений можно заключить, что идея фактической замены имеющего место (хоть и с ограничениями) естественного отбора внутри вида *Homo sapiens* на искусственный (на примере домашних животных показано, что это чревато снижением жизнеспособности в естественных условиях) должна быть отвергнута как нецелесообразная и опасная при ее реализации. Это не противоречит возможным медицинским корректировкам в отдельных необходимых случаях.

4. Учитывая права граждан, нельзя ограничивать личный выбор направления развития, социального дрейфа, возможны лишь общие установочные рекомендации. Многие решаются селекцией, связанной с той или иной структуризацией социума. Особое значение для его благополучия имеет адекватный выбор основного направления специализации в индивидуальном развитии способностей.

5. Общие установления (включая меры «здорового образа жизни», «общего гармоничного развития», образования, медицины и т.д.) должны особенно серьезно учитывать дифференциальный характер, политипичность вида. Должно уделяться большое внимание поддержанию толерантности между такими группами. Целесообразно оказание немногочисленным группам особой поддержки со стороны структур, призванных формировать такую толерантность.

6. К вопросам географической (расовой или национальной) политипической структуры следует относиться с такой же мерой толерантности, с какой мы относимся к наличию различных групп крови с их неодинаковой частотой в разных географических точках планеты.

7. Доказательства негеографической политипической структуры (и не только те, что рассмо-

трены в данной статье) с особой остротой ставят чисто таксономический вопрос о реальности субспецифических таксонов (подвидов и т.д.) в биологической систематике. Так, в известной статье, в которой, наверное, особенно решительно отрицается реальность подвидов (Терентьев, 1968)³, доказательства сводятся к наличию в первую очередь континуума значений одного признака.

Любые попытки разорвать континуум искусственны и находятся за пределами правильного отражения реальности. Это порождает и практические несуразицы: как, например, охранять какой-то нуждающийся в том вид, если мы утвердим охрану подвида, а не вида. Где «соорудить» виртуальную стену, чтобы заниматься охраной по одну сторону от нее?! Мозаичность распространения значений признаков, связанная с политипической структурой вида, накладывающаяся на географическую изменчивость, еще больше доказывает положение, защищаемое Терентьевым. Работая в свое время над курсовой студенческой работой, я намеревался описать один подвид, но отказался от этой идеи, изучив названную статью Терентьева, рекомендованную мне моим Учителем – классиком теоретической систематики Е.С. Смирновым (1898–1977). В самом большом семействе насекомых чешуекрылых – в совках (*Noctuidae*) – автор каталога мировой фауны (Poole, 1989) чисто технически (можно сказать: автоматически) свел все таксоны, имевшие подвидовой ранг, в синонимы. А совок в мире около 36 000 видов! И систематики, и сама биологическая номенклатура благополучно пережили эту реформу. Обращает на себя внимание и тот факт, что стремление к описанию подвидов особенно проявляют биологи, объекты которых совершают значительные миграции – перемещения, при которых географическая структурированность распространения морфотипов должна была бы быть наименее выраженной.

Ввиду распространенности описания таксонов подвидового ранга в изданиях кодекса зоологической номенклатуры подвид принят как таксон такой же «юридической силы», как вид (в отличие от экотипа). Вместе с тем справедливо указывается на то, что даже вопрос о наследственном характере признака или признаков, по которым выделяются подвиды, авторами подвидов может и не исследоваться. В то же время для таксона видового ранга это принимается однозначно: об этом свидетельствует критерий репродуктивной

³ Павел Викторович Терентьев (1903–1970) – один из основателей современной систематики с применением биометрии.

изоляции видов, в частности находящий отражение в распространенном «сильном» морфологическом принципе ключа и замка, применительно к гениталиям насекомых. На эту проблему указывается, например, в статье к 100-летию известного зоолога А.П. Кузюкина (Мазин, 2016). Здесь утверждается, что А.П. Кузюкин (1915–1988), ученики которого трудились и трудятся в системе педагогических университетов, на практике противостоял «подвидоописательству». Таким образом, в отечественной зоологии в оппозиции к названному варианту, так называемому «дробительству» таксонов, параллельно выступали две влиятельные отечественные школы в теоретической и практической систематике. Если кому-то не нравится распространенный термин «дробительство», назовем эту тенденцию «наносистематикой», или средством «распыления» того, что имеется в наличии. Нередко подвид, введенный в обиход, на практике затем приобретает статус вида. Это означает, что описание нового подвида совершали из желания ввести таксон в номенклатуру, не располагая при этом доказательствами, вид это или какое-либо проявление внутривидовой изменчивости, т.е. смешиваются совершенно разные сущности. Думается, что необходимо хотя бы исключение из кодекса процедуры придания номинальному таксону подвигового ранга статуса вида. Это бы несколько умеряло «стремление к называнию» (*Namengebetei*), против которого так решительно восставал еще один из классиков энтомологии Н.Я. Кузнецов (1912). Его статья полезна не только энтомологам, но и некоторым «созерцателям слонов и страусиных яиц», которые обычно свысока смотрят на энтомологический микромир, масштабы и расчеты у них иные. Кузнецов считал тенденцию *Namengebetei* порождением непрофессионализма и одним из способов создания ажиотажа в коммерческих (коллекционных) группах объектов. Сейчас это не менее очевидно.

Наше время – время после господства парадигмы нумерической таксономии, буквально «утонувшей» в разнообразии систем, обоснованных самыми разными «точными» методами. Сейчас систематика находится в кризисном состоянии, а вместо типологической доминирует другая парадигма – параэволюционная (кладистическая).

Однако *Namengebetei* достигла внушительного распространения и на уровне таксонов рангом выше вида, особенно родовом. Н.Я. Кузнецов, как было отмечено в откликах на его выступление, был довольно желчным человеком, к тому

же в отличие от многих современников-систематиков ориентировался больше на англоязычную науку. Накануне Первой мировой войны он считал, что *Namengebetei* – чисто немецкое явление. Время показало, что это не так. Везде в мире это стремление неукротимо, как будто в этом состоит наука. Конечно, причина в заботе о личном рейтинге в условиях искусственно насаждаемой конкуренции между специалистами по группам.

Итак, согласно политипической модели, существуют некоторые морфо-психологические типы, которые, очевидно, отражают некие центробежные тенденции и функциональную дифференциацию в социуме (популяции). В то же время значительную массу составляют индивиды смешанного типа, составляющие относительно сбалансированную «морфо-психологическую норму». То, что один писатель начала XX в. уподоблял «паюсной икре» общества. Насколько положительна характеристика популяции для себя самой, если доминирует эта монотипическая тенденция, увидим при сравнительном рассмотрении политипической парадигмы с ее альтернативой. Попробуем прикинуть, какова должна быть модель сочетания смешанной нормы с альтернативными типами в контексте социального дрейфа. Думается, что «висцеротонический» тип должен иметь особое тяготение к продвижению по вертикальной оси дрейфа. Кто-то перемещается в верхи, кто-то спускается в низы. Как говорится, «движение – всё». Идет процесс смены. Это перемещение связано с конкурентными отношениями в рамках соматотипа. Есть, однако, индивиды, которые в силу своих вполне положительных особенностей не могут пасть вниз, но и не стремятся взмыться вверх, так как приспособлены к иному – готовы отдаваться сполна физической или умственной деятельности. Их можно наглядно представить как расположенных по обе стороны от вертикальной транзитной зоны, справа и слева от некоей смешанной (промежуточной) по двум коренным качествам нормы. Представители этих типов совершенствуются в своих двух альтернативных направлениях. Таким образом, построенная модель в своей наглядности имеет некий крестообразный вид. Многие социальные процессы можно себе представить как проявление разных тенденций в этой модели. Нам думается, что какие-то формы аналогичных функциональных типов могли бы встретиться и среди чисто зоологических объектов с проявлением социальных тенденций. Достоинства в практическом смысле коренного разделения популяций по

функциональной специализации особей хорошо известны, например, по наличию каст у некоторых насекомых. Причем, в отличие от рассматриваемого в статье вида, некоторые «типы» генеративно вполне изолированы. У *Homo sapiens* очевидны те или иные групповые предпочтения, оказывающие влияние на структуру «крестообразной» модели.

Монотипическая («эгалитаристская») парадигма

1. В центре этой парадигмы принципиальная морфопсихологическая однородность адаптивных возможностей представителей таксона, социума. Реальность более или менее локализованных географически рас, разумеется, не отрицается, но симпатрической дифференцированности каждой из них и большому значению таких структур для вида внимания не уделяется.

2. Фактически подразумевается в тех или иных формах так называемая Гоббсова война всех против всех, т.е. принимается сильно устаревший вариант дарвинизма, который когда-то лежал в основе представлений социал-дарвинистов.

3. В рамках парадигмы вполне возможно и существование brutальных евгенических доктрин, подразумевающих *de facto* искусственный отбор по программам с непредсказуемыми результатами.

Исследование частично поддержано научно-исследовательским проектом Научно-Исследовательского Зоологического музея МГУ АААА-А16-116021660077-3.

4. Не придается принципиального значения вопросу о выборе направления развития личности и социальном дрейфе.

5. Общие установления (включая меры «здорового образа жизни», «общего гармоничного развития», образования, медицины и т.д.) не учитывают или недостаточно учитывают дифференциальный характер, политипичность вида *Homo sapiens*.

6. На фоне этой парадигмы порой возникают идеи, далекие от идей толерантности в вопросах географической (расовой или национальной) политипической структуры.

7. Вопрос о внутривидовой таксономической структурированности не рассматривается, но зато игнорируются и самые убедительные аргументы против придания таксономического статуса некоторым проявлениям географической изменчивости.

Мне представляется гораздо более перспективной в качестве ориентира первая парадигма. В то же время приходится с грустью признать, что вторая распространена и пользуется значительной популярностью, что вовсе не к благу. Но, как учил один известный философ, вопреки общим веяниям и устремлениям, все же стоит держаться более убедительной парадигмы. В данном случае это политипическая парадигма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[REFERENCES]

- Гальтон Ф. Наследственность таланта. Законы и последствия. М., 1996. 271 с. [*Gal'ton F. Nasledstvennost' talanta. Zakony i posledstviya*. М., 1996. 271 s.].
- Глас Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976. 496 с. [*Glas Dj., Stenli Dj. Statisticheskie metody v pedagogike i psikhologii*. М., 1976. 496 s.].
- Завадский К.М. Вид и видообразование. Л., 1968. 404 с. [*Zavadskij K.M. Vid i vidoobrazovanie*. L., 1968. 404 s.].
- Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 6. Ч. 2. М., 1965. С. 384–385 [*Kant I. Soch. v 6 tt. T. 6. Ch. 2*. М., 1965. S. 384–385].
- Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 6. Ч. 1. М., 1966. 743 с. [*Kant I. Soch. v 6 tt. T. 6. Ch. 1*. М., 1966. 743 s.].
- Кречмер Э. Строение тела и характер. М., 1995. 608 с. [*Krechmer E. Stroenie tela i kharakter*. М., 1995. 608 s.].
- Кузнецов Н.Я. О стремлении к называнию как одном из течений в энтомологической литературе (Namengeberei немцев) // Энтомологическое обозрение. 1912. Т. XII. № 2. С. 256–276. [*Kuznetsov N.Ya. O stremlenii k nazyvaniyu kak odnom iz techenij v entomologicheskoi literature (Namengeberei nemtsev) // Entomologicheskoe obozrenie*. 1912. T. XII. № 2. S. 256–276].
- Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными. СПб., 1892. 254 с. [*Lombroso Ts. Genialnost' i pomeshatel'stvo. Parallel' mezhdru velikimi lyud'mi i pomeshannymi*. SPb., 1892. 254 s.].
- Мазин Л.Н. Ученый, практик, педагог. К 100-летию со дня рождения А.П. Кузякина // Биология в школе. 2016. № 3. С. 25–34 [*Mazin L.N. Uchenyj, praktik, pedagog. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.P. Kuzyakina // Biologia v shkole*. 2016. № 3. S. 25–34].
- Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М., 1968. 597 с. [*Majr E. Zoologicheskij vid i evolutsiya*. М., 1968. 597 s.].
- Песталоцци И.Г. Избранные педагогические сочинения в 2 тт. Т. 2. М., 1981. С. 209–416 [*Pestalotzi I.G. Isbrannnye pedagogicheskie sochineniya v 2 tt. T. 2*. М., 1981. S. 209–416].
- Пирсон К. Грамматика науки. СПб., 1899. 655 с. [*Pirson K. Grammatika nauki*. SPb., 1899. 655 s.].

- Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров (редактор-составитель Д.Я. Райгородский). Самара, 2002. 640 с. [Psikhologiya i psikhoanaliz kharaktera. Khrestomatiya po psikhologii i tipologii kharakterov (redactor-sostavitel D.Ya. Rajgorodskij). Samara, 2002. 640 s.]
- Роббер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988. 256 с. [Robber M.-A., Til'man F. Psikhologiya individa i gruppu. M., 1988. 256 s.]
- Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. 703 с. [Russo J.-J. Traktaty. M., 1969. 703 s.]
- Рыбин В.А. Нравственно-гуманистическая педагогика Нового времени. М., 2006. 456 с. [Rybin V.A. Nравstvenno-gumanisticheskaya pedagogika Novogo vremeni. M., 2006. 456 s.]
- Терентьев П.В. В защиту вида как конечного таксона // Зоол. журн. 1968. Т. 47. Вып. 6. С. 887–900 [Terent'ev P.V. V zashchitu vida kak konechnogo taksona // Zool. zhurn. 1968. T. 47. Vyp. 6. S. 887–900].
- Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникот Н. Биология человека. Под ред. В.В. Бунака. М., 1968. 440 с. [Kharrison Dj., Uajner Dj., Tanner Dj., Barnikot N. Biologiya cheloveka. Pod red. V.V. Bunaka. M., 1968. 440 s.]
- Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. 288 с. [Efroimson V.P. Genetika etiki i estetiki. SPb., 1995. 288 s.]
- Sheldon W.H., with the collaboration of Stevens S.S. The varieties of temperament. A psychology of constitutional differences. N.Y.– L., 1945. 520 p.

Поступила в редакцию / Received 25.02.2015

Принята к публикации / Accepted 17.03.2016

COMMEMORATING THE ANNIVERSARY OF THE POLYTYPIC CONCEPTION OF ONE LINNAEAN SPECIES

A.V. Sviridov¹

In connection with the anniversaries of basic biosociological works from E. Kretschmer and W.H. Sheldon (2016 and 2017 years) author consider two late paradigms, which designate two alternative ideological lines in relation to biological species, – polytypic and monotypic paradigms, impact of it on sociological opinions conformably to species *Homo sapiens*, and consequences for the biologist-taxonomist.

Key words: polytypic species, monotypic species, researches of Kretschmer–Sheldon, prehistory of it, infraspecific structure, subspecies.

Acknowledgement. This article is prepared partly from the research project of the Zoological Museum of the Moscow Lomonosov State University AAAA-A16-116021660077-3.

¹ Sviridov Andrej Valentinovich, senior scientist, Honorary Scientist of Lomonosov MSU, Scientific-research Zoological Museum of MSU (Sviridov@zmmu.msu.ru).